

Типы детей в произведениях Достоевского

Типы мальчиков

I

Типов мальчиков у Достоевского немного: Илюшечка и Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых», Коля Иволгин в «Идиоте» и «маленький герой» в повести того же наименования. Из них Колю Иволгина мы можем оставить без рассмотрения, так как Коля Иволгин есть схематический очерк Коли Красоткина; Коля Красоткин есть развитый, полный образ Коли Иволгина. Вообще из типов мальчиков всех подробнее очерчен Коля Красоткин; он же имеет и наибольший интерес по важности тех черт, которые составляют его душевную природу. Поэтому с Коли Красоткина мы и начнем анализ типов мальчиков.

Тип духовного мальчика, свободно и смело судящего о разных явлениях жизни

По обыкновению, о ранних детских впечатлениях своего героя Достоевский ничего не говорил; он изображает Колю уже в возрасте 13—14 лет. Отец его умер давно, а мать живет в своем чистеньком домике своим капиталом. Какие причины сделали из Коли именно такого мальчика, а не другого — об этом предоставляется догадываться читателю. Единственные указания заключаются в следующем: после отца остался шкаф, в котором хранилось несколько книг. Коля любил читать и про себя прочитал уже некоторые из них. Вместо того чтобы идти играть, он простаивал у шкафа по целым часам над какой-нибудь книжкой. Таким образом Коля прочел кое-что, чего бы ему еще нельзя было давать читать в его возрасте. Но какие, собственно, книги были в шкафу — об этом ничего не говорится; только позднее в одном месте упоминается, что между книгами был и номер «Колокола». Другое влияние, под действием которого рос Коля, была нежная любовь матери. Мать страстно любила сына, постоянно трепетала и ежедневно чуть не умирала со страха, что Коля простудится, найдет, свалится и т. д. Когда же Коля начал ходить в школу, тогда мать бросилась изучать вместе с ним все науки, чтобы помогать сыну, репетировать с ним уроки; перенакомилась с учителями и их женами, ласкала даже товарищей Коли и лисила перед ними, чтобы не трогали Колю, не насмехались над ним, не прибили его. Разумеется, Коле была предоставлена полная свобода: жить так, как он хочет. Он даже сумел свою мамашу поставить в подчиненные отношения, и та довольно охотно подчинилась сыну,

лишь грустя иногда, что мальчик ее мало любит. Но Коля горячо любил свою мать; он только не любил обнаруживать свое чувство обычными ласками, не терпел, как он выражался, «телячьих нежностей». Вот все, что мы знаем о процессе образования и складе того типа, который обрисован под именем Коли Красоткина. Теперь посмотрим на сам тип, разберем его характеристику.

Самая выдающаяся черта Коли — это совершенно свободные и смелые суждения о всяких самых трудных вопросах — религиозных, социальных, философских, о которых серьезно развитый взрослый человек судит с большой осторожностью. Коля же Красоткин рубит направо и налево, для него ни в чем нет затруднений. Поставить его в тупик невозможно: он все знает, все вопросы разрешил; по всякому подходящему поводу он выпаливает самыми решительными сентенциями. Спросите его о медицине, он вам ответит, что отрицает медицину, что это — бесполезное учреждение, все доктора шельмы, дрянь и медицина подлость. «Я — социалист, Смуров», заявляет Красоткин товарищу, несколько поменьше себя. «А что такое социалист?» — спросил Смуров. «Это — коли все равны, у всех одно общее мнение, нет браков, а религия и все законы как кому угодно, ну и там все остальное. Ты еще не дорос до этого, тебе рано».

Красоткин имеет совершенно определенные мнения и о других высоких предметах, например о воспитании, о Боже-стве. Всемирную историю он не уважает, так как она есть изучение ряда глупостей человеческих; он признает одну математику и естественные науки. Классические языки — одно сумасшествие, полицейская мера, введенная для отупления способностей и удручения школьников скукой. Даже вопрос о Боге и тот Красоткин разрешил уже. «Я ничего не имею против Бога. Конечно, Бог есть только гипотеза... но ... я признаю, что Он нужен для порядка и так далее... и если бы Его не было, то надо бы его выдумать». «Если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи он в наше время, он бы прямо примкнул к революционерам и, может быть, играл бы видную роль... Это даже непременно».

Само собой разумеется, что такой великий философ к товарищам, особенно если они поменьше его, относится важно, свысока. Он входит в отношения с маленькими, даже дружится с ними, но не просто, а имея в виду «вышколить характер, выровнять, создать человека». «Чтобы его выдержать, я, чем он нежнее, тем становлюсь еще холоднокровнее, нарочно так поступая, таково мое убеждение». Уважение школьников он принимал как должное и был

вообще очень самолюбив. «Я ненавижу, когда меня спрашивают про мои года, более чем ненавижу... и наконец... про меня, например, есть клевета, что я на прошлой неделе с приготовительными в разбойники играл. То, что я играл, — это действительность, но что я для себя играл, для доставления себе самому удовольствия, то это решительно клевета... И вот у нас всегда вздор распускают. Это город сплетен, уверяю вас».

Необычайная решительность и смелость суждений Коли возбуждает два вопроса: правильна ли характеристика Достоевского? Не преувеличивает ли он? И как понимать Колю — есть ли он только необычайно самонадеянный мальчишка и фразер, или еще что-нибудь?

Коля не есть Лиза Хохлакова в мужском образе, — Коля мальчик здоровый телесно и душевно, его психика не представляет чего-либо болезненного. А между тем мальчику нет еще 14 лет — и такие суждения, и о таких предметах! Мы склонны думать, что Достоевский допустил здесь утрировку — не в самой характеристике, а во времени. Вся характеристика будет справедлива, если ее отнести года на два, на три подальше, т.е. все указанные свойства приписать не 14-летнему мальчику, а ученику старшего класса прогимназии или среднего класса гимназии, а 16—17-летнему юноше, учащемуся в старшем или в одном из старших классов гимназии. Тогда в характеристике не будет ничего странного, она будет понятна. Зеленый юноша наслушался разных суждений, начитался разных статей и книжек и, ничего толком не усвоив, ничего не переварив, повторяет почти автоматически наиболее поразившие его фразы. Для 13—14-летнего отрока эти фразы не представляют еще интереса, так как он в них ничего не понимает; для 16—17-летнего юноши эти фразы представляют некоторый интерес, так как нечто юноша в них понимает.

В приведенных суждениях Коли Красоткина нельзя видеть признака преждевременного его развития (у Достоевского глава, в которой Коля излагает свои взгляды на разные важные вопросы, носит заглавие «Раннее развитие»). Коля Красоткин совсем не то, что Лиза Хохлакова. Та действительно преждевременно созревшая девочка, чувствующая в 14 лет, как взрослая женщина, одолеваемая страстями и искушениями совершенно взрослого человека, притом девочка болезненная и физически, и психически. Коля Красоткин совсем другой человек. Он не преждевременно созревший мальчик, а мальчик, нахватавшийся разных фраз, не передумавший их про себя и повторяющий их часто ни к селу, ни к городу. Он стреляет ими для хвастовства, все равно как из хвастовства решается пролежать

между рельсами во время движения поезда. Гимназисты постарше смотрели на него свысока, не хотели считать его настоящим товарищем, и вот он решается показать им; что он молодец, что он может удивить мир геройством. Коля ложится под поезд, хотя сам от своего геройства и лишается сознания. Точно также он удивляет Алешу Карамазова и своих товарищей разными смелейшими суждениями относительно высоких и важных материй, и если бы растолковать ему смысл его суждений, то он может быть упал бы в обморок от стыда за собственную глупость. Рассуждая так развязно и решительно обо всем. Коля сам не читал даже «Онегина» Пушкина, в чем чисто-сердечно и сознается. О других серьезных книгах нечего уже и говорить.

Таким образом все его фразерство с ветра, наносное. И пятилетнее дитя может повторять услышанное им уличное бранное выражение; это не значит, чтобы дитя было развращено нравственно, чтобы оно было скороспелкой по части разврата. Точно также повторение Колей Красоткиным разных суждений о непонятных ему материях не свидетельствует ни за раннее его умственное развитие, ни за неправильность его развития. Все эти суждения нечто наносное и поверхностное в Коле. Если бы он сошелся с Алешей Карамазовым, то он иначе смотрел бы на вещи, да и сам по себе он дойдет до других взглядов и до другого отношения к важным вопросам. Коля мальчик очень хороший помимо своих резких и смелых суждений, что и показывает, что его природа, его ум и сердце вполне доброкачественные, что на них можно полагаться. Про Красоткина нельзя сказать того, что сказал про него Алеша Карамазов: «вы прелестная натура, хотя и извращенная». Натура, несомненно, прелестная, но не извращенная; извращенность слишком поверхностна и наносна, так что такое состояние нельзя и называть извращенностью.

Хорошая натура Коли сказывается на каждом шагу. Он горячо любит свою мать. Крайне напуганная его геройским подвигом — лежавшем между рельсами во время движения поезда, мать Коли берет с него торжественную клятву отказаться от подобных изумительных деяний, и Коля дает клятву, причем сам плачет, и сдерживает свое слово. В одном доме с Колей жила докторша с двумя детьми, и этих «пузырей» Коля очень любил, играл с ними, несмотря на свою великую детскую гордость, давал им книжки, рассказывал сказки. Когда в гимназии разнеслась молва, что Красоткин у себя дома играет с маленькими жильцами в лошадки, причем прыгает за пристяжную и гнет голову, то Коля гордо отпарировал это обвинение, поставив

на вид, что со сверстниками, с тринадцатилетними, действительно было бы позорно играть «наш век» в лошадки, но что он делает это для «пузырей», потому что их любит, а в чувствах его никто не смеет спрашивать у него отчета. Зато и обожали же его оба «пузыря»!

К товарищам по гимназии Коля хотя относился и покровительственно, но дружелюбно, — он вообще любил детвору. Он защищал слабых и новичков и не давал их во обиду сильным озорникам. Когда его прежний друг Илюшечка мучился жестокими укорами совести за то, что бросил собаке кусок хлеба с булавкой, а та проглотила и околела, тогда Коля решил избавить его от этих мучений. Он разыскал собаку, похожую на несчастную Жучку, выучил ее разным фокусам и затем торжественно привел ее к Илюшечке, заверив его, что эта самая собачка и есть Жучка. Тот восторг, то упоение, с которыми Коля заставлял свою собаку выделывать различные штуки перед толпой школьников, свидетельствуют с полной неопровержимостью, что Красоткин еще дитя, гимназист-шалун, для которого высшее удовольствие в мире задать кому-нибудь «экстрафеферу». «Я иногда ужасный ребенок», говорит Красоткин сам про себя. Вообще Коля любил пошалить, откинуть штуку, начудесить, порисоваться, быть мальчишкой задирой, готовым сцепиться со всяким во всякое время. На базаре он был всем известен, как шалун, шутник, который за словом в карман не полезет. Коля любил дурачить, или, как он выражался на своем жаргоне, «люблю расшевелить дураков во всех слоях общества». «Я люблю поговорить с народом, — резонировал Коля, — и всегда рад отдать ему справедливость... А с народом надо умеючи говорить».

Вообще Коля Красоткин очень способный и восприимчивый мальчик, очень добрый, несмотря на все его самохвальство. В нем горит священный огонь любви к людям, самопожертвования, стремление совершить прекрасное, великое дело. «О, если б я мог хоть когда-нибудь принести себя в жертву за правду!» — с энтузиазмом восклицает Коля. «Я желал бы умереть за все человечество, а что до позора, то все равно; да погибнут наши имена». Такие натуры не могут быть причислены к «развращенным».

Выше было замечено, что характеристика Коли Красоткина, насколько она касается его смелых суждений о трудных вопросах, может быть признана правильной только в том случае, если ее считать относящейся не к 13—14-летним мальчикам, а к 16—17-летним юношам. Теперь далее возникает вопрос: насколько Коля Красоткин типичен, т.е. насколько часто встречаются школьники с теми свойства-

ми, которые особенно характеризуют Колю? Много или мало Колей Красоткиных между учащеюся молодежью? Сам Достоевский полагал, что его Коля Красоткин очень типичен, что он верно изображает русскую учащуюся молодежь. Устами Алеши Карамазова он передает отзыв одного заграничного немца, жившего в России, о русской учащейся молодежи, — отзыв, вполне приложимый к Красоткину. «Покажите вы, — говорил немец, — русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленную». Никаких знаний и беззаветное самомнение — вот что хотел сказать немец про русского школьника, поясняет Алеша Карамазов. Коля Красоткин признает эту характеристику совершенно верною. «Верниссимо; точь-в-точь! Браво, немец!» — восклицает он и прибавляет со своей стороны лишь такую оговорку: «Самомнение — это пусть, это от молодости, это исправится, если только надо, чтобы это исправилось, но зато и независимый дух, с самого чуть не с детства, зато смелость мысли и убеждения, а не дух ихнего колбаснического раболепства пред авторитетами»...

Нет никакого сомнения в том, что между школьниками старших классов встречаются такие самонадеянные отрицатели всяких авторитетов, как Красоткин, только не в такой уж слишком резкой форме и не с таким разносторонним применением отрицания к самым различным сторонам жизни. Но чтобы Коля Красоткин типически изображал всю учащуюся русскую молодежь, чтобы суть этой молодежи заключалась в отсутствии знаний и беззаветном самомнении — в этом следует усомниться. Такая характеристика слишком скудна, тоща. Неужели за душой у учащегося русского юношества ничего более нет, кроме незнания и самомнения? Никаких идеалов, никаких стремлений? Разве русские гимназисты и гимназистки суть простые ничтожества, высоко о себе думающие, и более ничего? Учащееся юношество — будущее России, и если бы в этом залоге будущего ничего, кроме незнания и самомнения, не заключалось, то можно было бы прийти в полное отчаяние. К счастью, дело не так уж худо, как изобразил романист.

Можно сказать, что Достоевский в своих произведениях вывел не одного гимназиста, а нескольких. В «Братьях Карамазовых» кроме Коли Красоткина встречаются Илюшечка, Смуров и другие. В них можно найти другие черты. Но самая яркая из обрисованных Достоевским фигур школьников, несомненно, Коля Красоткин; о нем всего больше говорится в романе, он составляет центр в группе изобра-

женной учащейся молодежи. Смуров и другие гимназисты обрисованы очень кратко, так что считать их типами не приходится. Что касается Илюшечки, то он нарисован подробно, но несравненно больше в семье, чем в школе. Илюшечка больше показывает, каковы бывают русские дети в семье, в их отношениях к родителям, братьям и сестрам, а не то, каковы бывают русские школьники в классе, среди своих товарищей. Коля Красоткин не только преобладающая фигура, но почти единственная, типически изображающая русских школьников. А в этом типе, по нашему мнению, слишком мало содержания, и он потому недостаточно характеризует русскую учащуюся молодежь.

В изображении Коли Красоткина Достоевский придал слишком большое значение злобам дня и их отображению на умонастроении учащейся молодежи. Самые выдающиеся черты Коли — это временные черты, возникающие в нем лишь под влиянием известных настроений взрослых, а потому и не выражающие его существа, его природы. Можно даже сказать, что это более характеристика взрослого общества в известное время, чем детского мира. В одно время вопрос о классическом образовании очень живо интересовал собою общество, шли толки о достоинствах и недостатках этой системы, были горячие противники ее, были и защитники, писалась масса статей за и против, и вот одно направление — противоклассическое — отразилось в настроении Коли. Коля тоже против классицизма, считает его полицейской мерой и средством не для просвещения, а для отупления школьников. Очевидно, эта тирада прямо взята из какой-нибудь статьи или из откровенного разговора о неудобстве образовательной системы, нашедшей энергичных защитников в некоторых московских публицистах.

То же самое следует сказать и о всех других суждениях Коли. Коля любит поговорить с народом, с мужиками, с бабами, задирает их, получает сдачи, проделывает с ними разные школьнические штуки. Он не чуждается народа, напротив, он сам идет в народ, хочет узнать его, отдает справедливость его достоинствам и т.п. Все это есть отражение на школьнике весьма известного в свое время «хождения в народ» некоторых представителей общества и тяготения всего общества к народу, стремления сблизиться с народом, опроститься и т.д. Изображение этого направления общественной мысли мы находим во многих беллетристических произведениях наших писателей. Дети, вращаясь между взрослыми, слушая их разговоры, читая их книги и журналы, заражались тем же настроением и в миниатюрной детской форме тоже ходили в народ, т.е. на рынок, раз-

говаривать с мужиками и бабами. В своих тирадах о народе, в своих разговорах с мужиками о разных предметах Коля воспроизвел народническое направление взрослых. Народничество, а равно противоклассическое направление, ему не принадлежит, оно принадлежит окружающим его взрослым и у них взято напрокат.

Все другие свои смыслы и решительные суждения Коля Красоткин заимствовал из того же источника, т.е. из окружающего его общества.

Заявления, что он, Коля, «неисправимый социалист», что «против Бога» или «против Христа он ничего не имеет», что Христос в наше время был бы революционером и т.п., — все подобные заявления суть просто эхо, отголосок суждений и речей в обществе, мыслей и настроений взрослых людей.

Таким образом, Коля Красоткин всей своей фигурой показывает только одно, как сильно на детях отражается умонастроение общества, как восприимчивы дети, подобно резонаторам, повторяют все, что дойдет до их слуха. Отсюда можно вывести новое подтверждение давно известной истины, что при детях о материях, превышающих их возраст, нужно говорить с крайнею осторожностью, что они схватят, усвоят внешний облик дела, а затем и будут носиться с ним, как с писаной торбой, ничего не понимая в нем по существу.

Рисуя Колю Красоткина, Достоевский характеризовал собственно общество взрослых, его движение и стремление, его умонастроение. А что такое русский школьник по своему существу, вне этих временных изменчивых отражений общественных интересов и вкусов, об этом Коля Красоткин ничего нам не говорит или почти ничего; постоянная, положительная сторона русского школьника затронута в Коле Красоткине очень мало. Поэтому-то мы и утверждаем, что в Коле Красоткине, как детском типе, мало содержания, что он для русских школьников недостаточно характерен, недостаточно типичен.

II

В «Братьях Карамазовых», кроме Коли Красоткина, довольно много говорится еще о другом школьнике Илюшечке, сыне отставного штабс-капитана Снегирева. Психологическая суть этого типа немудрена. Илюшечка худенький, малорослый мальчик, лет девяти, с бледненьким продолговатым личиком, с большими темными глазами. Одет очень бедно, так как его отец средств не имеет никаких, не имеет определенного заработка, живет, чем Бог послал.

Семья же у него на руках большая, и между ее членами достаточно больных. Родитель не дурак выпить и очень часто пропивает последние средства семьи. Личность отставного штабс-капитана Снегирева представляет смесь нахальства и трусости; он часто кривляется, ломается и корчит из себя горохового шута. Семья, впрочем, все же интеллигентная: сынишка учится в гимназии, дочь на каких-то курсах в Петербурге. Папаша очень любит Илюшечку, а Илюшечка папашу.

Такова обстановка. Она должна действовать угнетающим образом. Образцов нравственной твердости и устойчивости около нет, и члены семьи должны бы вырастать с притупленным нравственным чувством, быть лъстивыми, подбострастными, пойти в папашу. Илюшечка был не таков. В его тщедушном теле жила благородная и твердая душа; он не мирился с унижительным положением отца, он смело всех вызывал на борьбу, на бой. По поступлению в школу его сейчас же начали заирать. Его бедное платьишко, худые сапожонки, плохие штанишки вызывали насмешки беспощадных товарищей. Илюшечка не оробел, стал с ними драться и нередко возвращался домой порядочно избитый. В это время Коля Красоткин принял его под свою защиту, и благодарный Илюшечка боготворил его, был рабски ему предан. Откуда взялся в Илюшечке этот смелый, отважный дух, эта решимость и сила постоять за себя против целого почти класса — остается совершенно неизвестным. Но Илюша, несмотря на свою физическую слабость и даже болезненность, не боится один вступить в бой с шестью товарищами.

Будучи весьма отважным, смелым, энергично защищая себя против врагов-товарищей, Илюша в то же время был мальчик необычайно чуткий и нравственно впечатлительный. Научили его одной весьма скверной штуке: взять кусок хлеба, воткнуть в него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собаке, из таких, которые с голодухи кусок не жуя глотают, и посмотреть, что из этого выйдет. Он и смастерил такой кусок и бросил какой-то Жучке. Та проглотила, завизжала, завертелась и пустилась бежать, — бежит и визжит, бежит и визжит, так и исчезла. Случай с собакой сильно поразил Илюшу, запечатлелся в его памяти и вызывал весьма чувствительные страдания совести. Когда позднее Илюшечка расхворался, он стал думать, что Бог послал ему болезнь за то, что он так жестоко поступил с собакой. Его, больного, этот случай с собакой прямо мучил.

Затем новое нравственное страдание поразило бедного Илюшу. Однажды, когда школьники, в их числе и Илюша, вы-

ходили из школы, они сделались свидетелями дикой сцены: Дмитрий Карамазов тянул за бороду из трактира на площадь отца Илюши. Илюша бросился к отцу, хотел вырвать его из рук обидчика, но тот не отпустил. Мальчик стал просить обидчика, даже руку ему поцеловал. «Помню я, — рассказывал штабс-капитан, — какое у него было личико, не забыл и не забуду!» С тех пор школьники стали дразнить Илюшу «банной мочалкой», намекая на пострадавшую от Дмитрия Карамазова бороду родителя. С утра школьники кричали Илюше: «Мочалка! Отца твоего за мочалку из трактира тащили, а ты подле бежал и прощенья просил». Дети в школах, замечает Достоевский устами капитана, народ безжалостный, «порознь ангелы Божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны». Страдания Илюши от такой позорной сцены с родителем и травли школьников были очень велики. А школьники между тем стали распускать слух, что капитан помирился с Карамазовым на десяти рублях.

Илюша мучился, убеждал отца не мириться с Карамазовым, вызвать обидчика на дуэль, а когда отец не согласился на это, порешил вызвать его самому, когда подрастет. «Брошусь на него, повалю его, замахнусь на него саблей и скажу ему: мог бы сейчас убить, но прощаю тебя, вот тебе». Со школьниками он дрался с тех пор ежедневно и, рассерженный ими, однажды ранил перочинным ножом своего покровителя — Колю Красоткина. Увидав Алешу Карамазова, он бросает в него камнями и даже прокусывает ему палец — словом, становится ожесточившимся зверьком, готовым бросаться на всех. «Воспрянул в Илюше благородный дух, — рассказывал родитель его Алеше Карамазову. — Обыкновенный мальчик, слабый сын — тот бы смирился, отца своего застыдился, а этот один против всех восстал за отца. За отца и за истину, за правду. Ибо что он тогда вынес, как вашему братцу руки целовал и кричал ему: «Простите папочку, простите папочку», то это только Бог один знает да я. И вот так-то детки наши... правду на земле еще в девять лет от роду узнают...

Слабый от природы, дурно одетый, плохо питаемый, Илюша не выдерживает всех этих нравственных потрясений. Он расхворался, слег в постель и скоро умер.

Илюша всем своим существом очень напоминает один из женских детских типов Достоевского, именно Нелли. Характерные черты те же в обоих типах: слабое здоровье, самая тяжелая и дурная во всех смыслах среда и обстановка, нравственная чистота и твердость, постоянное приподнятое нравственное настроение, ранняя смерть. Можно утверждать, что Нелли и Илюша, собственно, один тип, изо-

браженный два раза, то в виде девочки, то в виде мальчика, причем основа типа яснее в Нелли, чем в Илюше. Откуда в Нелли появилась нравственная упругость и чистота — об этом мы можем еще догадаться; откуда она взялась в Илюше — совершенно неизвестно, это дар природы. Илюша с своею нравственною чуткостью и силою в семье отставного штабс-капитана Снегирева — это благоухающий цветок среди гнилого болота.

III

В ряду детских типов, очерченных Достоевским, совершенно особенное положение занимает «маленький герой». В этом герое изображается собственно, не тип, а представляется психолого-беллетристический эскиз возникновения и развития чувства любви в 11-летнем мальчике. Эскиз написан тонко. Так как раннее появление чувства любви засвидетельствовано у многих выдающихся лиц, особенно поэтическо-художественного склада, то интересно наблюдать, как объясняет раннее появление такого чувства такой замечательный психолог, как Достоевский. Он представляет дело в следующем виде.

Мальчик, не имеющий еще полных 11 лет, попадает на лето к своему родственнику в богатое подмосковное поместье, в котором пир идет горой, — родственник проматывал свое огромное состояние. Гостей было много, они постоянно приливали и отливали. Было шумно и весело, было много хорошеньких женщин. Прекрасные дамы ласкали мальчика, не думая справляться с его годами, сажали к себе на колени, играли с ним. Ласки женщин будили странные чувства в маленьком герое. Им овладевало какое-то непонятное настроение, что-то шелестило по сердцу, до сих пор неизвестное и неведомое ему, сердце горело и билось, будто испуганное, и лицо часто покрывалось неожиданным румянцем. Другой раз как будто удивление овладевало мальчиком, и он уходил куда-нибудь, чтобы перевести дух и что-то припомнить. Среди окружавшего его шума и веселья мальчик чувствовал себя одиноким и сторонился от других детей. Он вообще был робок и стыдлив.

Из всех женщин особенно преследовала мальчика своими выходками одна хорошенькая блондинка; она не отставала от него ни на шаг, сделалась гонительницей и тиранкой маленького героя. Весь комизм ее проделок состоял в том, что она прикидывалась влюбленною в мальчика по уши и резала его при всех. Мальчик ужасно смущался, чувствовал себя крайне нехорошо и готов был серьезно подражаться со своей коварной обожательницею. Его наив-

ное смущение, его отчаянная тоска как будто окрыляли ее на преследования, смех, раздававшийся вокруг ее героя, только поджигал мучительницу на новые шалости. Притом блондинка позволяла себе чересчур много с мальчиком.

Между тем мальчик действительно увлекался, только не блондинкой, а другой дамой, бывшей в числе гостей. По вечерам ненастье, случалось, загоняло всех в комнаты. В это время маленький герой забирался в уголок залы и всматривался в окружавшие лица, вслушивался в разговор, часто не понимая в нем ни одного слова. В это время тихие взгляды, кроткая улыбка и прекрасное лицо т-те М., Бог знает почему, уловлялись зачарованным вниманием мальчика, вызывая в нем странное, неопределенное, но непостижимо сладкое впечатление. Часто по целым часам мальчик не мог оторваться от созерцания г-жи М.; он заучил каждый жест, каждое движение ее, вслушался в каждую вибрацию ее густого, серебристого, но несколько заглушенного голоса. Словом, он влюбился в нее, если такое выражение можно применить по отношению к 11-летнему мальчику.

Трагизм положения маленького героя заключался в том, что безжалостная блондинка скоро разгадала тайну мальчика и начала издеваться над ним еще беспощаднее. Она публично выставляла его, как заклятого врага и соперника мужа г-жи М., чем и вызывала общий хохот. Один раз блондинка до того довела мальчика своими насмешками, что он закричал прерывающимся от слез и негодования голосом: «И не стыдно вам... вслух... при всех дамах... говорить такую худую... неправду?!. Вам, точно маленькой... при всех мужчинах... Что они скажут? Вы — такая большая... замужняя!...» Адский хохот всего общества был ответом на эту прочувствованную речь. Герой оторопел, почти обезумел от ужаса и, сгорев, как порох, закрыв лицо руками, бросился вон, выбил в дверях поднос из рук входившего лакея и полетел наверх в свою комнату. «Я был отуманен; слышал только, что мое сердце бесчеловечно, бесстыдно уязвлено, и заливался бессильными слезами... Во мне кипели негодование и ненависть... В первый раз в жизни я испытал серьезное горе, оскорбление, обиду... Во мне, в ребенке, было грубо затронуте первое, неопытное еще, не образовавшееся чувство, был так рано обнажен и поруган первый благоуханный девственный стыд и осмеяно первое и, может быть, очень серьезно эстетическое впечатление».

Если чужие сторонние люди так грубо коснулись сердца маленького героя и вызвали в нем такие страдания, то и са-

мому герою пришлось коснуться чужого сердца, хотя и не так грубо и оскорбительно, как коснулись его сердца. В силу разных случайностей он узнал, что любимая им г-жа М. любит одного господина, тоскует по нему, а между тем должна скрывать и затаивать свои чувства. Маленький герой видит, как на его глазах страдает прекрасная г-жа М., не один раз остается с ней в то время, когда присутствие стороннего человека тягостно. Мальчик понимает это и никак не может уйти. Особенно маленький герой терзался, когда случайно ему удалось найти письмо, оброненное г-жой М., письмо для нее весьма важное. Видя, что г-жа М. всюду ищет потерянное письмо и страшно о нем беспокоится, мальчик никак не может найти случая передать письмо приличным образом; прямо же вернуть письмо он стеснялся, — это значило бы вторгаться в жизнь другого, в его тайны и сердечные интересы. Наконец письмо, хотя и не особенно искусно, было возвращено по принадлежности, и в награду маленький герой получил горячий поцелуй и платочек г-жи М.

«Я сорвал с себя ее косынку и целовал ее, не помня себя от восторга; несколько минут я был, как безумный! Едва переводя дух, облокотясь на траву, глядел я бессознательно и неподвижно пред собою... и какое-то сладкое затишье, будто навеянное торжественною тишиною картины, малопомалу смиряло мое возмущенное сердце. Мне стало легче, и я вздохнул свободнее... Но вся душа моя как-то глухо и сладко томилась, будто прозрением чего-то, будто каким-то предчувствием. Что-то робко и радостно отгадывалось испуганным сердцем моим, слегка трепетавшим от ожидания. И вдруг грудь моя заколебалась, заныла, словно от чего-то пронзившего ее, и слезы, сладкие слезы, брызнули из глаз моих. Я закрыл руками лицо и, весь трепеща, как былинка, невозбранно отдался первому сознанию и откровению сердца, первому, еще неясному прозрению природы моей... Первое детство мое кончилось с этим мгновением».

Отдавая себе отчет, на основании этого эскиза, в причинах раннего появления чувства любви, мы находим в эскизе две такие причины: полное устранение маленького героя от товарищей и влияние женского общества.

Положение мальчика в шумном доме родственника было совершенно неестественным. Несмотря на массу гостей, на веселую жизнь общества, маленький герой был вполне одинок, как в дремучем лесу. Ко взрослым он не подходил по своему возрасту, и потому не мог принять настоящим образом участия в их жизни; от общества детей он сам отстал, сам не желал вести жизнь, которую вели его сверст-

ники. Таким образом, он пребывал совершенно одиноким, у него не было товарищества, своего круга и вместе никакого дела и занятия. Он слонялся из угла в угол, из комнаты в комнату, не зная, чем заняться, чем наполнить свое время, и от нечего делать наблюдал взрослых. Положение маленького героя было самое неблагоприятное для здоровой нормальной деятельности и подталкивало его на несоответственные возрасту наблюдения, размышления и чувствования. Если бы мальчик играл с товарищами, бегал, катался на лодке, купался, лазил по деревьям, ловил птиц, то он вполне был бы застрахован от волнений, свойственных дальнейшим более зрелым возрастам. Но он не играл, был одинок, предоставлен самому себе, постоянно торчал в комнате, и таким неестественным, несоответственным своему возрасту положением он побуждался и на несоответственные чувствования, которые и испытал. Вне общества товарищей дитя не может жить и развиваться вполне естественно, весело, непринужденно.

Другая причина, вызывавшая маленького героя на несвойственные возрасту чувствования, заключалась в женском обществе, окружавшем мальчика, и в отношениях этого общества к нему. Мальчик волей-неволей, но больше всего льнул к взрослым, а между взрослыми он сделался предметом внимания женщин. Женщины отнеслись к нему крайне нетактично, легкомысленно и, можно сказать, пошловато. Сами постоянно занятые любовью, ухаживанием, любовными разговорами, они не могли ничего придумать и в своих отношениях и речах к мальчику, кроме любви. Они не пощадили его возраста, не захотели хотя сколько-нибудь заглянуть в детскую душу, чтобы знать, чем она живет, чем интересуется, — они сейчас же начали играть с ним в любовь, вышучивать его чувства, притворяясь влюбленными, осмеивать его любовь к г-же М. Отношения пошловатые и в то же время совершенно бессердечные, жестокие и крайне неразумные. Милым и веселым дамам и в ум не приходило — да и всем гостям тоже, — что они не имеют никакого права делать из мальчика себе игрушку, забаву и потеху для собственного развлечения, что мальчик есть лицо, имеющее свои права, которых никто не вправе нарушать. Они начали его ласкать, возбуждая своими ласками несоответствующие чувства, и, хорошо замечая это, начали объявлять себя влюбленными в него, выставляли его соперником мужа г-жи М. Хуже, неразумнее вести себя было невозможно. Они усиленно держали мысль мальчика на любовных разговорах, соответственным образом возбуждали его чувство и чувственность и кончили тем, что жестоко надругались над

невинным сердцем бедного мальчика, попавшего в нездоровую тепличную атмосферу. Можно сказать, что милые дамы систематически развращали мальчика, сами не сознавая того.

Вот две главные причины раннего проявления чувства любви в маленьком герое, указанные романистом. Из них первая недостаточно им выдвинута, чуть-чуть отмечена, между тем она весьма важна и серьезна. Кроме этих причин в раннем, несоответственном возрасту появлении чувствований, имеет большое значение третья причина, совсем не отмеченная романистом, — свойства личности, переживающей волнения. О личности маленького героя мы имеем только два сведения, что ему без малого 11 лет и что он робок и застенчив. Вот и все. Очевидно, знания крайне скудные, совершенно недостаточные для понимания возникновения душевных волнений. Что был за мальчик маленький герой? Каковы были его физические и душевные свойства? Какую почву представлял он для развития разнообразных волнений? Ничего мы не знаем, не в состоянии ответить ни на один из поставленных вопросов. А между тем сам мальчик, свойства его натуры чрезвычайно важны для понимания тех явлений и душевных процессов, которые возникали и совершали свое течение в сознании этого мальчика. Натуры горячие, пылкие и натуры сдержанные, спокойные, скороспелки во всех отношениях и медленно развивающиеся мальчики и девочки — представляют или благоприятные, или неблагоприятные условия для возникновения опережающих возраст чувствований. К каким натурам принадлежал маленький герой — мы не знаем.

Таким образом, анализ, сделанный Достоевским относительно раннего появления чувства любви, неполон; достаточно раскрыта лишь одна из трех причин — влияние общества на душу маленького героя. Влияние одиночества, отсутствие товарищеских игр и занятий затронуто слабо, а особенные свойства личности и совсем оставлены без исследования и даже указания. Тем не менее то, что написано, написано искусно, отношения дам к маленькому герою очерчены весьма живо. Только из эскиза выходит, что источник влюбленности героя заключается не в нем, а в дамах, что не будь этих дам — ничего и не было бы, что едва ли справедливо.

Каптерев П. Ф. Типы детей в произведениях Достоевского. // *Воспитание и обучение*. — 1895. — № 9, сентябрь. — С. 309—332.

Общие замечания о детских типах в произведениях Достоевского

Галерея детских типов в произведениях Достоевского состоит из следующих лиц: девочек — Неточки, княжны Кати, Нелли, Лизы Хохлаковой; мальчиков — Коли Красоткина, Илюшечки, «маленького героя». В счет не идут некоторые наброски и легкие эскизы, вроде Коли Иволгина, Смурова, Смердякова в период его детства, Алексея Долгорукова (в «Подростке») и др. Следовательно, в галерее всего семь портретов: четыре портрета девочек и три мальчиков. В этой галерее разные портреты: есть портреты типически здоровых лиц, есть портреты больных душевно и телесно, какова Лиза Хохлакова; больных и слабых только телесно большинство; есть типическое изображение не лица, а одной сцены из жизни («маленький герой»). Два портрета очень сходны, так что могут быть названы братом и сестрой (Нелли и Илюшечка); они представляют собой одно и то же в двух формах — мужской и женской. Таким образом, галерея получается не особенно большая.

Разделение на типы:

- 1 — Тип, складывающийся под влиянием условий
- 2 — Тип созерцателей
- 3 — Тип своевластных
- 4 — Тип интеллектуальных
- 5 — Тип нравственно помешанных

Присматриваясь ближе к типам детей, очерченным Достоевским, легко можно заметить глубокие различия между ними и, сообразно с различиями, классифицировать их. Г. Пользинский детские типы Достоевского распределяет так: 1) тип, складывающийся под влиянием гнетущей нужды и лишений, — Нелли, Неточка, Илюша; 2) тип детей созерцательных, с мечтательным углублением во внутренний мир — Аркадий Долгоруков, Алексей Карамазов; 3) тип детей своевластных, гордых, настойчивых — княжна Катя, Лиза Хохлакова; 4) тип детей, преждевременно посвященных в мир идей, превосходящих понимание, — Коля Красоткин, Коля Иволгин; 5) тип нравственно-помешанных детей — Смердяков.

Приведенное деление слишком сложно, из семи портретов образуются пять групп. Между типами упоминается Смердяков, о детстве которого романист сообщил очень мало, и не упоминается «маленький герой», о котором есть целая повесть. Одной основы деления типов нет, а потому группы взаимно не исключаются, а некоторые даже совпадают, каковы 1 и 3. Если дети развиваются под влиянием гнетущей нужды, то это еще не значит, что из

них не выйдет людей своевластных, гордых, настойчивых. Сочетание в одной группе совершенно здоровой княжны Катн и больной телесно и душевно Лизы Хохлаковой едва ли удобно. Постановление Смердякова в особую группу лиц душевнобольных и присоединение Лизы Хохлаковой не к этой группе, а к другой также не совсем удобно. Таким образом, классификация Пользинского нам представляется не совсем удачной.

Госпожа Янтарева классифицирует детские типы Достоевского так: 1) нервные дети — Лиза Хохлакова и княжна Катя; 2) униженные и оскорбленные дети — Нелли, Юлюшечка; 3) дети-феномены — Коля Красоткин, «маленький герой». Эта классификация короче, поэтому удобнее. Но в ней недостает Неточки. Затем самая группировка также возбуждает некоторые сомнения. Лиза Хохлакова отнесена просто к нервным детям, тогда как она прямо болезненная. Княжна Катя совсем не может быть названа нервной, это тип вполне здорового, цветущего дитяти, прекрасного и телом, и душой. В характеристике Катн г-жа Янтарева говорит о расшатанности ее нервной системы, о ее нервном темпераменте, но фактов за это не представляется никаких. Что она впечатлительна, вся отдается овладевшему ее порыву, что ее мысль иногда лихорадочно работает и пр., все это нисколько не доказывает, что «нервы Катн вконец расшатаны». Трудно примирить расшатанные нервы девочки, которая чрезвычайно любит быстрые и сильные движения, ураганом носится по всем комнатам, шумит на весь дом, страстно отдается живым играм и понять не может, как это Неточка не умеет играть и вообще может обходиться без игр. Группа униженных и оскорбленных совершенно правильна, а дети-феномены снова возбуждают сомнения. Какой же феномен «маленький герой»? Ничего феноменального в нем нет. Коля Красоткин больше подходит к феномену, но ближайший анализ этого типа показывает, что и в нем ничего необыкновенного нет, что все его феноменальные суждения — простое повторение чужой песни и даже не своими, а чужими же словами.

Самое простое и в то же время строго фактическое распределение детских типов Достоевского есть разделение их на типы нормальных и ненормальных детей, причем к последней категории отойдет лишь один тип Лизы Хохлаковой. Типы первой категории можно разделить на типы угнетенных, несчастных детей, растущих в тяжелой обстановке, — таковы Нелли, Юлюшечка, Неточка: это униженные и оскорбленные дети; и на типы более или менее счастливых детей, растущих если не в богатстве, то и не в бед-

Разделение на типы нормальных и ненормальных детей

ности, окруженных вниманием и заботами: таковы княжна Катя, Коля Красоткин и «маленький герой».

Оставляя в стороне тип больного дитяти, так как мы имеем здесь единственный экземпляр, можно указать некоторые общие черты сначала типов первого отдела, а потом второго.

Униженные и оскорбленные дети

Униженные и оскорбленные дети, самым типичным из которых является Нелли, отличаются прежде всего недоверием к людям и некоторой нелюдимостью. Много раз обманутые людьми, оскорбленные нередко в самых святых своих чувствах, такие дети естественно и необходимо проникаются недоверчивостью. Как верить, когда постоянно обманывают, оскорбляют, когда считают возможным нарушать все твои права, самые простые и неоспоримые? Недоверчивость выступает сильнее или слабее в детях этого типа в зависимости от тяжести обстоятельств. Очень грустные обстоятельства вызывают наиболее недоверчивости (Нелли), менее грустные — менее (Илюшечка, Неточка). С недоверием к людям обыкновенно соединяется некоторое ожесточение против них: в большей или меньшей степени нельзя не ожесточиться, когда постоянно почти бьют во всех смыслах; подобно маленькому Илюшечке, человек становится злобным и готовым набрасываться на всех и каждого по самому малейшему поводу.

Несчастные униженные дети обыкновенно отличаются высокою сердечной возбудимостью. По большей части сердце их постоянно расправляется, рана его непрерывно поддерживается, не заживает. Они находятся в состоянии непрерывного трепета, напряжения; они беспокойны, обидчивы, мнительны. При приподнятом сердечном настроении несчастные униженные дети способны быстро переходить от любви к ненависти, и обратно. Жизнь сердца в них так развита, потребность участия, ласки, любви так велика, что они, несмотря на свою нелюдимость и озлобленность, легко поддаются дружескому, искреннему, сердечному отношению, их сердце раскрывается, — но при малейшем неверном тоне со стороны нового друга, при малейшей фальши, неискренности закрывается снова, и вернуть их доверие опять бывает крайне трудно. Такие дети представляют противоположность кажущейся огрубелости, черствости, нечувствительности и действительной нежности и сердечности. Как пышно расцвели нежные чувства в душе Нелли при новой обстановке. Как быстро исчезла озлобленность Илюшечки и заменилась грустным любвеобильным настроением в среде семьи и сочувствующих товарищей.

У униженных и оскорбленных детей, так много переживающих с раннего детства в сердечном отношении, естественно возникает внимание к собственному горестному состоянию, размышление о его причинах, о несправедливости других людей и тому подобных материях. Все это вместе взятое создает у них некоторую наклонность к анализу своих внутренних состояний и чужих, стремление к самоуглублению, к проникновению в скрытые мотивы действий и поступков. Конечно, все такие побуждения и обстоятельства имеют некоторое благоприятное влияние на развитие ума, но весьма одностороннее. Представления и знания таких детей бывают замкнуты в довольно тесный и ограниченный круг, направлены на одну сторону человеческой жизни. Тяжелая материальная обстановка детей суживает их умственный кругозор, нередко вынуждая их факты заменять фантазиями и мечтами... Один уголок мира Божьего, точнее людского, сферу грустных, печальных явлений такие дети обыкновенно знают и понимают хорошо, — но именно только один уголок; вся же остальная широкая панорама человеческой и мирской жизни бывает им недоступна и неизвестна. Поэтому их умственное развитие, отличаясь в одном вышеуказанном направлении остротой, в других является весьма слабым и недостаточным. Отставной штабс-капитан Снегирев был отчасти прав, утверждая, что «наши детки», т.е. детки униженные и озлобленные, «правду на земле еще в девять лет от роду узнают. Отчасти прав, потому что истина, познаваемая униженными детьми в девять лет, есть не полная истина, а лишь одна сторона истины — понимание темной, мрачной стороны жизни. А жизнь не одна темнота и люди не только озлобленные и черствые существа. Вообще философия Шопенгауэра не вполне справедлива.

Наконец, униженные и несчастные дети отличаются физической слабостью и болезненностью. Нелли, Неточка, Илюшечка — все это худенькие, бледненькие, слабенькие физические существа, страдающие разными припадками и вообще болезненные. Тяжелые материальные условия, естественно, должны были наложить свою печать на здоровье и физические силы, подорвать их, истощить, вследствие чего униженные дети преждевременно и оканчивают свою горькую жизнь.

Дети, вырастающие сравнительно в благоприятной обстановке, представляют полную противоположность детям униженным. Прежде всего они здоровы, хорошо питаются, надлежащим образом одеты и имеют некоторый запас физических сил и энергии. Затем их душевное здоровье находится также в полном порядке. Таким детям Достоев-

Здоровые физически и психически
дети

ский приписывает следующие душевные качества: самоуверенность и гордость. Эта черта прямо выдается в княжне Кате и Коле Красоткине. При гордости дети отличаются прямым открытым характером. Притворяться, лицемерить, казаться не тем, что они есть, такие дети не хотят, считая подобное поведение ниже своего достоинства. не сообразным со всем тем, что они говорят, как действуют. Несмотря на гордость и самоуверенность, такие дети владеют обыкновенно добрым, хорошим сердцем, способностью сочувствовать другим, умением постоять как за себя, так и за своих друзей. Умственные способности таких детей довольно хороши, но занимаются они главным образом из гордости, не желая подвергаться упрекам и выговорам, не мирясь с мыслью, чтобы кто-нибудь мог успевать быстрее, учиться лучше их.

Униженные и несчастные дети могут являться в различных образах. Они могут владеть внутренней большой силой противодействия тем внешним тяжелым обстоятельствам, среди которых им приходится жить, они могут быть протестантами, энергичными борцами, выражающими свой протест на каждом шагу. Таковы Нелли и Илюшечка. Но могут они являться и в другом образе: внутренняя упругость и сила духа могут выражаться не столько прямо борьбой, сколько развитием сердечности, нравственной чуткости, нежности и ума, хотя бы в одном лишь направлении. С виду это натуры мягкие, нежные, но внутренне сильные, богатые чувством и способностью внутреннего самоуглубления, а отчасти и фантазии. Это натуры, ушедшие, так сказать, внутрь самих себя. Такова Неточка Незванова. Несчастные дети и сплющены тяжелыми обстоятельствами, их личность забита, уничтожена, у них может не остаться и тени протеста, и тени сознания собственного достоинства и самоуважения. Таких детей Достоевский не изобразил. Наконец под влиянием тяжелых обстоятельств может выработаться кремень-человек, дитя суровое, эгоистичное, с большой склонностью вполне бесцеремонно эксплуатировать других, мстить им за свое тяжелое детство. Из такого дитяти позднее выйдет кулак, в более широком или тесном смысле. Таких детей Достоевский также не изобразил.

Дети, вырастающие в более счастливой среде, могут быть или такими, какими изобразил их Достоевский, т.е. гордыми, открытыми, самоуверенными, способными, или же владеть совсем другими качествами, далеко не столь привлекательными. Они легко могут сделаться узкими эгоистами, которым чужды обычные человеческие горести; их открытый характер и самоуверенность легко могут перейти

в высокомерное и презрительное отношение к детям, отцы которых ниже по своему общественному положению и не так богаты, как их отцы; хорошими умственными способностями они могут и не владеть, — ум не есть необходимая принадлежность внешних условий. Таким путем может возникнуть совершенно другой тип детей, тоже выросший в счастливой внешней обстановке, но существенно отличный от первого типа во многом. Представителей такого другого типа Достоевский нам не изобразил.

Если галерея детских типов в произведениях Достоевского не велика численно, то она, как оказывается, и со стороны содержания не исчерпывает всего разнообразия складов детской души, которые могут возникать под влиянием условий, составляющих исходный пункт в развитии детей, изображенных Достоевским. В одном из своих произведений Достоевский упоминает о своем желании написать целый роман из детской жизни. Нужно жалеть, что ему не удалось осуществить своего намерения, тогда, несомненно, мы получили бы большее количество и более разнообразных детских типов.

Относительно самого изображения детских типов, очерченных Достоевским, мы замечали уже, что они обрисованы очень рельефно, живо и настолько своеобразны и характерны, что не перемешаются один с другим. Типы детей Достоевского, как живые дети, стоят в памяти со всеми своими особенностями, со своей собственной душевной жизнью. В таком изображении и сказывается мастерство художника. С психологической точки зрения о детских типах Достоевского мы можем сделать еще лишь следующие замечания.

Изображая детей, Достоевский обыкновенно ничего не говорит о первых годах жизни изображаемого ребенка, о том, как он рос и развивался с самого начала. Он берет дитя в 10, 11, 12, 13—14 лет и показывает, каково оно. Но как оно стало таким, этого Достоевский не показывает. Нужно заметить, что эта же самая черта встречается и у других беллетристов. Понятно, что беллетристу не совсем удобно брать героем пятилетнее или семилетнее дитя. Что это за герой? что он может сделать? Он слишком мал, его душевная жизнь слишком бедна и несамостоятельна, чтобы привлечь к нему внимание взрослых; с такими героями можно написать произведение для детей, но не для взрослых. Это так. Но беллетристические интересы не исключают возможности жизни, чтобы герой этот не сваливался с неба со своими свойствами, а возникал и рос бы на глазах читателя. Особенно, казалось бы, подобный очерк, в той или другой форме, был необходим в произведениях таких бел-

летристов, как Достоевский, которые психологической стороне в своих романах дают весьма видное место. Они бы всегда должны показывать, не только каков есть известный человек, но и как он таким сделался, под влиянием каких условий.

Другое замечание касается некоторого преувеличивания изображенных типов. Когда читаешь у Достоевского те сцены, в которых действующими лицами являются дети, невольно как-то иной раз думаешь, что тут есть некоторое сочинительство, что автор писал не с натуры, а с того умственного образа, который он сам себе составил о детях. При чтении сцен с Колей Красоткиным невольно кажется, что в них сконцентрирован слишком уже сильный газетный и журнальный букет по части разных новейших теорий и взглядов, что Коля в своих суждениях решителен слишком без оглядки, без колебаний. Лиза Хохлакова на первых порах повергает в изумление, и только мысль о том, что это ненормальная психически девочка, устраняет возникающее недоумение. Нелли также изображена уже слишком несчастной и ошетинившейся девочкой. Конечно, для художественного изображения необходима яркость красок, чтобы образ выдался из ряда других и не смешивался с другими; но и здесь все же необходим известный предел, нужна известная мера, которую Достоевский, по нашему мнению, иногда переходит.

Каптерев П. Ф. Типы детей в произведениях Достоевского. // *Воспитание и обучение*. — 1895. — № 10, октябрь. — С. 73—87.